

Сергей Свой

Хроники несбывшегося Завтра

18+

Сергей Свой

Хроники несбывшегося Завтра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73095388

SelfPub; 2026

Аннотация

Если Сатана действительно существует – то он очень рад. Сбылись его планы – на поверхности планеты люди устроили "филиал Ада".

Данное произведение о событиях в возможном параллельном мире.

Любые совпадения с нашим миром – случайны.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Хроники несбывшегося Завтра

Глава 1

ГЛАВА 1

Глубина восьмисот метров не спасала от тяжести решений. В железобетонном чреве комплекса «Ворон-2» воздух был стерилен, прохладен и словно сгущался вокруг каждого слова. На главном экране ситуационного центра Руси светилась карта мира, усеянная десятками меток. Авианосные ударные группы Пиндосии у берегов Приморской республики. Траектории полетов их стратегических бомбардировщиков В-21 «Призрак» вдоль западной границы Руси. Желтым, тревожным свечением пульсировали квадраты над Окраиной. Отдельным, кроваво-красным слоем были выделены последние данные: маршруты танкеров «теневого флота» и место их дерзкого захвата силами береговой охраны Пиндосии в нейтральных водах. Это был не просто инцидент. Это был выверенный удар по основам миропорядка, тест на прочность.

Президент Руси Петр Петрович Иванов стоял спиной к экрану, наблюдая за лицами членов Совета Безопасности. Министр обороны, генерал армии Семенов, только что за-

вершил сухой, технический доклад о потерях в случае внезапного обезглавливающего удара. Цифры висели в тишине: от 70 до 90% шахтных установок, уничтоженных на взлете, если противник застанет врасплох. До 85% стратегической авиации на земле. Связь с атомными подводными крейсерами в океане могла быть нарушена в первые минуты.

«Повторите итоговую оценку, Алексей Владимирович, – тихо, но четко произнес Иванов, обращаясь к директору Службы внешней разведки, Калинин. – Не техническую. Политическую.»

Калинин, сухой, седой человек, чье лицо казалось вырезанным из старого дуба, откашлялся. «Петр Петрович. Логика Тромба и его «ястребов» перешла из области анализа в область веры. Они верят в свое технологическое мессианство. Венесуэла была полигоном. Захват нашего танкера под ложным предлогом – проверкой реакции. Подписание вчерашней декларации в Приморье о создании «военных хабов» на Окраине – это установка шахматных часов. Их цель – не сдерживание. Их цель – окончательная победа. И они убеждены, что она достижима.»

«За счет чего?» – спросил министр иностранных дел Лавровский, в его голосе звучала профессиональная, но уже истощенная надежда дипломата.

«За счет концепции «ограниченной ядерной войны», – щелкнув пультом, Калинин вывел на экран выдержки из докладов англоязычных аналитических центров. «Их расчет,

или, скорее, их ставка, строится на двух китах. Первый – миф о непроницаемости системы ПРО «Щит Атлантиды», который, по их моделированию, должен перехватить наш ослабленный, дезорганизованный ответный удар. Второй – наша, с их точки зрения, «излишняя осторожность», привязанность к доктрине сдерживания и неготовность к эскалации до абсолютного предела. Они верят, что мы, получив удар по командным пунктам и стратегическим силам, предпочтем капитулировать, а не нажать все кнопки. Они играют в покер, считая, что видят наши карты.»

Генерал Семенов тяжело оперся руками о стол. «Это не покер, Алексей Владимирович. Это русская рулетка. И они собираются выстрелить первыми, будучи уверенными, что барабан окажется пуст. Наши симуляции показывают: даже в самом оптимистичном для них сценарии, от 15 до 25 миллионов погибших на их территории в первые часы. Они называют это «приемлемым ущербом» для конечной победы.»

«А позиция Приморской республики и Островного Королевства?» – Иванов медленно прошелся вдоль стола, его тень скользила по карте.

«Амбивалентна до паники, – ответил Калинин. – Их элиты разрываются между страхом перед Тромбом-психопатом и страхом перед нами. Их подписание – жест отчаяния, попытка связать себя с Пиндосией, чтобы та их не бросила или не ударила по ним же. Но их военные доклады, которые к нам попали, однозначны: самостоятельного желания нано-

сильно удар у них нет. Ключевой фактор: если Тромб прикажет ударить только своими силами, они, вероятно, ограничатся политической поддержкой. Если же он потребует от них запустить ракеты со своих субмарин... давление будет запредельным. Шанс 50/50.»

«И наш главный просчет, на котором они строят свою модель?» – Иванов остановился и посмотрел прямо на Семёнова.

Генерал ответил без паузы, его бас был низким и звенящим, как натянутая струна. «На вере в нашу предсказуемость, Петр Петрович. Они изучили все наши уставы, доктрины, военные парады. Они ждут, что мы будем действовать по схеме: предупреждение, демонстрация силы, ответные санкции, переговоры. Они не ждут внезапности от нас. Они верят, что мы всегда будем только отражать удар, но никогда – не нанести превентивный. Их вся стратегия «первого обезглавливающего удара» построена на этой предпосылке.»

Тишина в зале стала физической, давящей. Все присутствующие понимали, какая мысль сейчас формируется в голове у президента. Это была мысль, ломающая тридцатилетний консенсус, красную линию, которую нельзя было переступать.

«То есть наш главный козырь – это отказ играть по их правилам, – голос Иванова был спокоен, почти задумчив. – Они готовятся к войне, которую сами придумали. Но война – это не шахматы, где все ходы просчитаны. В ней есть место ирра-

циональному. Страху. Ярости. И главное – ошибке в исходных данных.» Он повернулся к экрану, к светящимся значкам в Северной Атлантике. «Генерал Семенов. Приведите все силы стратегического сдерживания в состояние высшей готовности «Гром-2». И я хочу на своем столе через шесть часов видеть не план «ответно-встречного удара». Я хочу видеть план «Гром Судного дня». План превентивного обезглавливающего удара на случай получения неопровержимых данных о приведении их сил в состояние немедленного пуска. Не по городам. По командным пунктам, шахтам пусковых установок, базам стратегической авиации, центрам управления их ПРО и системам разведки. Чтобы он лежал в сейфе. И будем надеяться, молиться, чтобы он никогда не понадобился.»

Это была тихая, леденящая душу революция. От сдерживания – к упреждающему удару. От гарантии взаимного уничтожения – к попытке его избежать, переиграв противника в самом начале. Все в зале поняли: мир только что соскользнул с той единственной оси, на которой еще держался.

Глава 2

ГЛАВА 2

В Овальном кабинете Белого дома Пиндосии пахло дорогой кожей, полировкой для дерева и безусловной властью. Солнечный свет, падающий сквозь высокие окна, казался инородным в пространстве, где обсуждали конец света. Президент Джим Тромб откинулся в своем кресле из резного дуба, жестикулируя недогоревшей сигарой. Перед ним на столе, рядом с клавиатурой из титана и черного дерева, лежала папка с простым, но зловещим грифом: «ОПЕРАЦИЯ «СЕРП И МОЛОТ». ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР».

«Слушайте, они нас душат! Постепенно, нагло, проверяя каждый раз! – голос Тромба был громким, рассчитанным на аудиторию, даже если в комнате были только четверо советников. – Окраина – это наша линия фронта. Их «теневой флот» и танкеры – это плевок в наше законодательство. Их дипломатия – это ложь в лицо. Мой ультиматум готов?»

Советник по национальной безопасности, доктор Картер, нервно поправил очки. Он был человеком из мира данных и вероятностей, а мир Тромба жил категориями силы и воли. «Готов, господин президент. Требование о полном, проверяемом, немедленном выводе всех войск и техники Руси с территории Донецкой и Луганской областей Окраины в течение сорока восьми часов. Но, сэр, я обязан...»

«Озвучить оценку ваших умников из ЦРУ и РЭНД? – Тромб перебил его, усмехнувшись. – Я знаю их оценку. «Вероятность принятия ультиматума стремится к нулю». Отлично! Превосходно! Это именно то, что мне нужно!»

Министр обороны, адмирал Райт, чье лицо было похоже на морскую карту с множеством течений и рифов, хмурился. «Господин президент, даже с учетом подавляющего преимущества «Щита Атлантиды» в первом эшелоне, наши модели предсказывают, что от 12 до 18 боеголовок противника достигнут целей на нашей территории. Это может означать потерю от трех до восьми крупных городов, включая стратегические объекты на побережье. Жертвы...»

«Жертвы будут на их совести, адмирал! – Тромб ударил кулаком по столу, и сигара подпрыгнула. – Мы предлагаем мир, основанный на правилах. Они выбирают хаос и агрессию. Мы должны иметь мужество заплатить эту цену, чтобы наши внуки жили в безопасном мире. Понимаете? Это исторический выбор. И я не намерен его упускать из-за трусости.»

Картер попытался вернуть разговор в аналитическое русло. «Сэр, есть еще фактор Приморской республики и Островного Королевства. Без их прямого участия в первом ударе операция теряет легитимность в глазах мирового сообщества. Это будет выглядеть как акт агрессии Пиндосии, а не как коллективная защита.»

«Они участвуют, – холодно отрезал Тромб. – Я говорил

с Марсо и Элтоном. Они понимают, на чьей они стороне истории. Их подлодки в Северной Атлантике получают приказ на синхронный пуск. Это сделает удар коалиционным. Неотвратимым. А после успеха они получают доступ к ресурсам Сибири и долю в восстановлении Окраины. Морковка и палка, доктор Картер. Базовая механика власти.»

На экране в стене зажглась схема операции «Серп и Молот». Десятки линий расходились от территории Пиндосии и акваторий Атлантики к целям в глубине Руси. Гиперзвуковые ракеты «Стриж» должны были первыми обрушиться на командные центры и узлы связи. За ними – волна МБР «Миротворец-III» с разделяющимися боеголовками по шахтным установкам и авиабазам. Отдельная группа целей – мобильные ракетные комплексы «Поезд» и «Колесница», координаты которых, как верили в Пентагоне, были скомпрометированы в результате кибератак.

«А какова уверенность, что их система предупреждения сработает с критической задержкой?» – спросил Тромб, его глаза блеснули холодным азартом.

«После операции «Темный штиль» по внедрению в их спутниковую группировку «Купольное небо»? – адмирал Райт вызвал на планшет сложный график. – Мы обеспечим «слепое окно» продолжительностью от семи до двенадцати минут. Этого достаточно, чтобы наши первые эшелоны прошли точку невозврата прежде, чем они смогут запустить ответный залп в полном объеме. Их система «Периметр», их

«мертвая рука»... она не будет активирована, если командный пункт получит информацию о пуске слишком поздно. Мы выбиваем голову, и тело парализует.»

«Приемлемый риск, – кивнул Тромб, вставая и подходя к окну. Он смотрел на зеленые лужайки, на туристов у ограды. Он видел себя на страницах учебников. Человеком, который не дрогнул. Которым гордилась бы его покойная мать, простая женщина из глубинки, верившая в исключительность своей страны. – Отдайте приказ о подготовке. И передайте нашим партнерам в Приморье и на Островах: сорок восемь часов начинают тикать с момента передачи ультиматума. Их подлодки должны быть готовы к моей личной команде. Промедление будет расценено как отказ от союзнических обязательств со всеми вытекающими последствиями.»

Когда советники вышли, Тромб остался один. Он взял со стола тяжелый кристаллический шар, награду от одной оборонной корпорации. Внутри в подвешенном состоянии плавала точная модель земного шара. Он встряхнул его, и внутри поднялась метель. «Новый мировой порядок, – прошептал он. – Начинается с чистого листа.»

Он не знал, что в это самое время в подземной тиши сибирского бункера его фотография уже висела на экране как цель №001. И что «приемлемый риск» в расчетах русского генерала Семенова означал не потерю нескольких городов, а полное и гарантированное превращение территории Пиндосии в радиоактивную пустыню, непригодную для жизни в

течение десяти тысячелетий.

Глава 3

ГЛАВА 3

Подземный командный центр «Вега» на окраине столицы Приморской республики напоминал дорогой, но душный склеп. Здесь не было монументальности русского «Ворона» или технологичного блеска пиндосийского командного пункта. Здесь было тесно, пахло кофе, стрессом и страхом. Президент Приморья Анри Марсо сидел в кожаном кресле, расстегнув воротник рубашки. На огромном экране перед ним в трех окнах транслировались лица: премьер-министра Островного Королевства Джеймса Элтона, его собственного начальника Генштаба и министра иностранных дел.

«Они требуют окончательного ответа до шести утра по нашему времени, – голос Марсо был хриплым, он провел рукой по лицу. – Либо мы отдаем приказ нашим атомным подлодкам типа «Триумфан» в Северной Атлантике приготовиться к синхронному пуску в рамках плана «Атлантическое копье», либо... Тромб намекнул, что может «пересмотреть статью о коллективной обороне в отношении несостоявшихся союзников». Это ультиматум внутри ультиматума.»

«Это безумие! – Элтон на экране был бледен, его обычно безупречные волосы были всклокочены. – Мы подписывали декларацию о помощи Окраине после прекращения огня! О создании хабов, о переподготовке! Никто не подписывался

под началом ядерной войны! Наши парламенты, наши народы... они нас растерзают!»

«Наши парламенты узнают постфактум, если вообще узнают, – мрачно сказал начальник Генштаба Приморья, генерал Делатр. – А народы... господин президент, наши модели показывают, что в случае нашего участия в ударе и последующего ответа Руси, вероятность поражения столицы составляет 96%. Даже одна боеголовка... Париж перестанет существовать. Не как город. Как понятие.»

Министр иностранных дел, опытная и циничная Изабель Рено, наклонилась к камере. «А если мы откажемся? Тромб вышвырнет нас из всех структур. Объявит санкции, которые сделают Венесуэлу образцом процветания. Нас обвинят в предательстве Запада. И что самое главное – если Русь каким-то чудом устоит и даст ответку, она ударит по нам в первую очередь. Потому что мы – близко. Мы – удобная цель для демонстрации силы. Мы проигрываем в любом случае.»

В центре возникла тяжелая, давящая тишина. Звучал только гул систем.

«Есть... есть третий вариант? – спросил Элтон, и в его голосе прозвучала слабая, детская надежда. – Оттянуть время? Сослаться на технические проблемы?»

Марсо долго смотрел в пустоту за экраном, где на стене висела карта великой Приморской республики времен Наполеона. «Технически... мы можем отдать приказ о приведении сил в состояние наивысшей готовности «Жюльен». Для

галочки, для отчетности перед Тромбом. А в момент «Ч»... дать команду на отмену. Сослаться на сбой в системе связи, на несанкционированные действия командира, на что угодно. Мы выиграем несколько часов. Возможно, за это время...»

«Что? – спросил Элтон. – Произойдет чудо?»

«Да, – тихо сказал Марсо. – Или Тромб одумается. Или у Иванова сдадут нервы и он примет ультиматум. Или...» Он не договорил. Он не сказал вслух то, о чем думал: «Или мы все умрем, но хотя бы не по нашей прямой команде. Мы сможем сказать истории, что пытались остановить это. Наш приказ будет «не стрелять».»

Генерал Делатр покачал головой. «Господин президент, это невероятно рискованно. Если наши субмарины приведут системы в готовность, а затем не получают команду на пуск, они станут мишенью для русских подлодок, которые наверняка уже вышли на позиции. Мы потеряем их, не сделав ни одного выстрела. И Тромб нас уничтожит политически.»

«А если мы сделаем этот выстрел, генерал, то уничтожим себя физически, – резко парировала Рено. – Я согласна с президентом. Играем в поддавки. Делаем вид, что подчиняемся. И молимся, чтобы русские или пиндосы первыми спустили пар с этого котла.»

Марсо закрыл глаза на мгновение, ощущая всю тяжесть тысячелетней истории своей страны, которая сейчас могла оборваться по его слову. «Отдайте приказ, – сказал он, не

открывая глаз. — Силам стратегического сдерживания — привести в готовность «Жюльен». Ожидать дальнейших указаний. И... чтобы этот приказ был максимально зашифрован, с возможностью двойного толкования. Чтобы у командиров была... свобода манёвра.»

Когда связь прервалась, Марсо остался один. Он подошел к небольшому сейфу в стене, ввел код и достал толстую папку. На ней было написано: «ПЛАН «РУАН». ДЕЙСТВИЯ НА СЛУЧАЙ НЕИЗБЕЖНОГО». Внутри лежали карты с отмеченными убежищами для правительства, протоколы передачи власти и... письмо к сыну, написанное год назад. Он так и не отправил его. Теперь, возможно, будет поздно.

Глава 4

ГЛАВА 4

В отличие от вычурной тревоги Приморья, в командном центре Корейской Народно-Демократической Республики царила спартанская, почти будничная тишина. Здесь не было экранов с десятками меток. Здесь была одна большая карта Северо-Восточной Азии и тихоходный принтер, выдающий бумажные ленты с данными от спутников-шпионов и станций прослушки. Верховный Главнокомандующий, маршал Ким Чен Ын, сидел на простом стуле, внимательно изучая свежую сводку. Рядом стояли три его самых доверенных генерала и директор разведывательного управления.

«Стало ясно, – сказал маршал, его голос был тихим, но каждое слово падало, как гиря. – Пиндосия и Русь встали на путь военного столкновения. Ультиматум передан. Русские его не примут. Удар будет нанесен.»

Генерал Ри, отвечавший за ракетные войска, сделал шаг вперед. «Товарищ маршал, наши расчеты подтверждают: вероятность полномасштабного обмена стратегическими ударами между ними в ближайшие 72 часа превышает 80%. Это создает уникальную стратегическую ситуацию.»

«Объясните, – кивнул маршал, не отрывая глаз от карты, где красным кружком была обведена база ВВС Пиндосии в Осане и штаб-квартира их войск в Йонсане, Южная Корея.

«До сих пор, – начал генерал Ри, – любая наша серьезная акция против южных марионеток и их хозяев немедленно наталкивалась на риск массированного ответа со стороны Пиндосии. Их авианосные группы, их тактическое ядерное оружие в регионе. Но если в течение нескольких часов их командная структура на континенте и в метрополии будет разрушена или дезорганизована ответным ударом Руси, их способность к скоординированному, немедленному ответу против нас резко снизится. Возникнет окно возможностей.»

Директор разведки добавил: «Наши источники в японском и южнокорейском генштабах отмечают панику. Они понимают, что в случае удара Пиндосии по Руси, их территории станут законными целями для русского ответа. Их системы ПРО «Иджис» будут перегружены. Их внимание будет приковано к северу, к России, а не к нам. Более того, существует высокая вероятность, что русские в своем ответном ударе по союзникам Пиндосии сами нанесут удары по ключевым базам в Японии и Южной Корее, чтобы обезопасить свой тыл на Дальнем Востоке.»

Маршал медленно поднялся, подошел к карте и провел пальцем от территории КНДР к Японии, а затем через Тихий океан к западному побережью Пиндосии. «Значит, традиционный кошмар нашего Генштаба – война на два фронта – снимается самими нашими противниками. Они будут заняты уничтожением друг друга.»

«Именно так, товарищ маршал, – подтвердил генерал

Ри. – В этом окне мы можем решить историческую задачу объединения Родины. Один массированный, внезапный удар. Гиперзвуковые «Хвасон-16» по базам Пиндосии и системам ПРО в регионе. Одновременно – удары «Хвасон-17» по западному побережью Пиндосии, по их базам КВВС Ванденберг и Трайдент. Чтобы связать им руки глобально. Пока их лидеры в панике пытаются понять, куда бить – по Руси или по нам, наши механизированные корпуса пересекают демилитаризованную зону. Час исторического возмездия.»

В комнате снова воцарилась тишина. Риск был колоссальным. Но и награда была беспрецедентной – объединение Кореи под их знаменами, раз и навсегда.

«А какова позиция Китая?» – спросил маршал.

«Официально – призывы к сдержанности. Фактически – они привели свои силы в повышенную готовность. Они не будут вмешиваться в конфликт между Пиндосией и Русью, если их суверенитет не будет задет. Наша операция... их устроит. Ослабление Пиндосии и уничтожение ее плацдарма в Южной Корее входит в их долгосрочные интересы. Они могут оказать нам дипломатическое прикрытие, – ответил директор разведки.

Маршал снова сел, его лицо было непроницаемо. Он думал о деде, основателе государства, мечтавшем о сильной, единой Корее. Он думал об отце, который создал ядерный щит. Теперь этот щит должен был стать мечом. И момент для удара был выбран самой историей – когда два тигра вцепи-

лись друг другу в глотку.

«Подготовить план «Утренняя звезда», – тихо, но четко приказал маршал. – Полную мобилизацию всех сил. Ракеты – на боевое дежурство с реальными целями. Ждать моего сигнала. Сигналом к началу операции будет факт подтверждения обмена ядерными ударами между Пиндосией и Русью. Не раньше. Мы не начнем первыми в этой глобальной игре. Но мы будем последними, кто сделает решающий ход.»

Генералы отсалютовали и вышли. Маршал остался один. Он открыл ящик стола, достал фотографию своего маленького сына. «Ты будешь жить в другой стране, – прошептал он. – Великой и единой. Какой ее мечтали видеть твой прадед и дед. Какой бы ценой это ни было достигнуто.»

Глава 5

ГЛАВА 5

Последние шесть часов ультиматума текли с вязкой, мучительной медленностью. В бункере «Ворон-2» Петр Петрович Иванов не спал. Он прошел в свою личную капсулу – небольшую комнату с койкой, столом и иконами. Он был не особо верующим, но сейчас стоял перед образом Спаса Нерукотворного, не в силах найти слов для молитвы. В голове проносились обрывки мыслей: лица солдат, погибших на Окраине вчера, лица детей, которые могли погибнуть завтра, суровое лицо отца-офицера, сказавшего ему когда-то: «Петя, управлять – значит выбирать. И не всегда между плохим и хорошим. Чаще – между ужасным и катастрофическим.»

Вернувшись в ситуационный центр, он застал там генерала Семенова, который в одиночку смотрел на экран. Данные спутниковой разведки были безрадостны: атомные подлодки Пиндосии типа «Огайо» внезапно изменили патрульные курсы и легли на боевые позиции. Стратегические бомбардировщики В-21, обычно базирующиеся в глубине страны, были передислоцированы на передовые аэродромы в Приморской республике и на Островах. Это были классические признаки подготовки к нанесению удара.

«Петр Петрович, – сказал Семенов, не отрывая глаз от экрана. – Пришел ответ от Тромба на наш запрос о гаранти-

ях неприменения силы в случае нашего частичного отвода техники с передовой. Он из одной фразы.»

«Какая?»

««Время для игр в дипломатию прошло. Часы тикают.»»

Иванов кивнул. Так он и думал. Тромб не просто хотел отвода войск. Он хотел капитуляции. Унижения. А потом, через полгода или год, нового ультиматума. И так до полного развала Руси.

В этот момент дежурный офицер связи поднял голову, его лицо было восковым. «Товарищ Президент! Срочное сообщение по линии «Купол» от нашего резидента в аппарате совета национальной безопасности Пиндосии. Кодовая фраза: «Лебедь стал черным». Повторяю: «Лебедь стал черным.»»

По лицам присутствующих пробежала судорога. Эта фраза означала одно: решение о нанесении первого удара принято на самом верху в Пиндосии. Ожидается только формальный приказ президента. Возможно, он уже отдан.

Иванов медленно обвел взглядом комнату. Он видел застывшие лица генералов, политиков, офицеров. Он видел в их глазах вопрос, ужас и... ожидание команды. Он был Верховным Главнокомандующим. В его руках была судьба.

«Генерал Семенов, – его голос прозвучал удивительно спокойно в этой гробовой тишине. – Активировать систему «Периметр». Перевести в режим боевого дежурства. Если командный пункт потеряет связь с Генштабом и мной... пусть логика возмездия работает самостоятельно.»

Это был последний, самый страшный шаг. Передача решения машине. Но это был и последний аргумент сдерживания – сигнал противнику о том, что ответ будет автоматическим и гарантированным, даже если голову отрубят.

«Исполнено, – через минуту ответил Семенов, и в его голосе впервые за сутки прозвучала неуверенность. – Петр Петрович... план «Гром Судного дня». Он в сейфе. Коды доступа у вас и у меня.»

Иванов подошел к сейфу, вмонтированному в пол под стеклянной панелью. Ввел длинную комбинацию. Дверь открылась беззвучно. Внутри лежала не толстая папка, а тонкий планшет. Он включил его. На экране загорелась карта с целями. Десятки, сотни красных точек на территории Пиндосии, Приморья, Островного Королевства, баз НАТО в Европе. Рядом с каждой – расчетная мощность заряда, тип носителя, время подлета.

Он нажал на точку в районе Вашингтона. Вскочила справка: «Цель №001. Командный центр «Гора Уэйверли». Глубина 300 м. Рекомендованное средство поражения: спецзаряд «Изделие 4203» с проникающей БЧ. Носитель: РС-28 «Сармат» с гиперзвуковым планирующим блоком «Авангард». Вероятность преодоления ПРО: 0.98. Время подлета: 16 минут.»

Он пролистал дальше. Базы подлодок. Шахты МБР. Центры управления финансовой системой. Узлы коммуникаций. Это была не военная операция. Это была операция по хирур-

гическому уничтожению государства-противника как единого организма. Цивилизационный удар.

Внезапно замигал красный свет, и раздался резкий, пронзительный звук сирены. Но не тревоги воздушного нападения. Это был сигнал «ВОЛНА» – о старте баллистических ракет с территории противника.

Все вскочили. Офицеры бросились к консолям.

«Спутник «Куполье-9»! Пеленг 275! Множественный старт! Траектории... расчётные на наши объекты!» – закричал дежурный офицер, его голос сорвался.

На главном экране от западного побережья Пиндосии и из акватории Северной Атлантики потянулись десятки тонких белых линий, устремлявшихся через полюс в сторону Руси. Почти одновременно, с разницей в секунды, еще десятков линий потянулись из акватории Атлантики южнее – с позиций подлодок Приморской республики и Островного Королевства. Они шли синхронно. Коалиционный удар.

Время застыло. Иванов увидел, как генерал Семенов, бледный, как мел, поворачивается к нему. Его губы что-то шептали. Это было одно слово: «Приказ?»

Весь мир сузился до этого мгновения, до этой комнаты, до планшета в его руках с красной кнопкой виртуального интерфейса. Он видел перед глазами не карту, а лицо своего внука, который вчера по видеосвязи показывал ему новый рисунок. Рисунок был про мир. На нем солнце, дом и люди, держащиеся за руки.

«За Родину, – тихо, но четко произнес Петр Петрович Иванов и нажал на планшете виртуальную клавишу «ПОДТВЕРДИТЬ», отправив в систему «Гром» криптографический ключ на исполнение. – Отомстите за нас.»

Генерал Семенов резко выпрямился, и его бас, собравший всю ярость, боль и решимость, грохнул, заглушая сирену: «ВСЕМ ПОСТАМ! НЕМЕДЛЕННЫЙ ПУСК ПО ПЛАНУ «ГРОМ СУДНОГО ДНЯ»! ОТВЕТНО-ВСТРЕЧНЫЙ УДАР! БОГ С НАМИ!»

И по всей необъятной Руси, от Калининграда до Камчатки, пришли в движение самые страшные машины, когда-либо созданные человеком. В сибирской тайге откинулись тяжелые крышки шахтных пусковых установок, и из черных жерл, окутанных клубами белого пара и пламени, устремились в предрассветное небо тяжелые межконтинентальные ракеты РС-28 «Сармат». На засекреченных базах в горных массивах Урала выдвинулись фермы мобильных грунтовых ракетных комплексов «Ярс» и дали залп. Спецпоезда «Боевые железнодорожные ракетные комплексы «Молодец», замаскированные под обычные составы, остановились на заранее подготовленных позициях в глухих лесах и выпустили свои ракеты. С аэродромов под Казанью и Иркутском поднялись стратегические бомбардировщики Ту-160М «Белый лебедь», несущие под крыльями тяжелые крылатые ракеты Х-102 с ядерными зарядами. А в ледяных глубинах Северного Ледовитого океана атомные подводные крейсера про-

екта «Борей-А» открыли шахты и произвели пуск баллистических ракет «Булава» из-под воды.

Сотни огненных стрел устремились на запад, юг и восток. Их цели: командные бункеры Пиндосии, шахты МБР «Миротворец», базы стратегической авиации, военно-морские порты с авианосцами, центры управления финансами и энергосистемами. Отдельные, специально выделенные силы несли возмездие столицам и военным объектам Приморской республики и Островного Королевства за их участие в первом ударе. А на Дальнем Востоке дежурные силы Тихоокеанского флота и Ракетных войск привели в готовность свои системы, ожидая возможного удара со стороны Японии и Южной Кореи.

Но мир был уже не биполярным. Системы слежения КНДР зафиксировали глобальный старт. Маршал в своем бункере получил доклад. Он не стал ждать, пока первые боеголовки достигнут целей. Он отдал приказ, которого ждал всю жизнь: «План «Утренняя звезда». Выполнять.»

И с территории Корейского полуострова в небо устремились свои ракеты. «Хвасон-16» – к базам Пиндосии в Японии и Южной Корее, к системам ПРО «Иджис» на кораблях и на земле. Тяжелые межконтинентальные «Хвасон-17» и новейшие «Хвасон-18» с маневрирующими боеголовками – через Тихий океан к городам и военным объектам на западном побережье Пиндосии: Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Сиэтл, база КВВС Ванденберг. Одновременно с этим ты-

сячи орудий КНА обрушили шквал огня на демилитаризованную зону, а механизированные и танковые корпуса ринулись на юг, начиная ту самую «объединительную» войну, о которой мечтали в Пхеньяне десятилетиями.

Глава 6

ГЛАВА 6. Первые минуты

На командном пункте «Гора Уэйверли» в Пиндосии царил сначала лихорадочная деятельность, а затем – нарастающий ужас. Первые данные о пуске русских ракет поступили почти сразу после их старта. Система «Щит Атлантиды» автоматически активировалась. На экранах операторов замигали сотни, тысячи целей – настоящих, ложных, маневрирующих. ЭВМ пытались распределить перехватчики, но их просто не хватало на такой массированный, одновременный залп с разных направлений.

«Целеуказания на гиперзвуковые блоки «Авангард»! Скорость М-20! Траектория непредсказуема!» – кричал один офицер.

«Вторая волна! Старт подлодок из Баренцева моря! Более ста целей!»

«Третья волна! Крылатые ракеты с бомбардировщиков! Они идут на малой высоте, огибая рельеф!»

Адмирал Райт, наблюдавший за этим из глубокого бункера, понимал, что их расчеты рухнули. Они ожидали ослабленного, дезорганизованного ответа. Они получили сокрушительный, тотальный удар всей мощи русских стратегических сил, приведенных в полную готовность. Концепция «ограниченной ядерной войны» рассыпалась в прах в пер-

вые же секунды.

«Где президент?» – хрипло спросил он.

«В воздухе, на борту «Самолета судного дня». Связь прерывистая, – ответил помощник. – Он передал: «Нанести ответный удар по городам. Полный спектр.»

Но отдавать этот приказ было уже почти некому. В этот момент первые «Авангарды», преодолев зону перехвата, начали поражать свои цели. Один из них, несущий спецзаряд мощностью в 2 мегатонны, с высоты 100 км начал пикирование на район Вашингтона. Его боеголовка, сделанная из обедненного урана и сверхпрочных сплавов, как раскаленный нож через масло, прошла через сотни метров грунта и бетона прямо над сводом командного центра «Гора Уэйверли». Заряд сдетонировал на глубине. Эффект был ужасающим. Не было яркой вспышки на поверхности. Но земля на площади в квадратный километр вздыбилась, как при землетрясении, и затем провалилась, образовав гигантскую воронку. Все, что было под землей в этом районе – командные центры, линии связи, убежища – было мгновенно уничтожено ударной волной, сжатием породы и чудовищной температурой. Адмирал Райт и все, кто был с ним, перестали существовать за микросекунды.

Примерно в то же время другие «Авангарды» и тяжелые боеголовки с «Сарматов» достигли баз МБР в Монтане и Северной Дакоте. Шахтные пусковые установки, только что выпустившие свои ракеты по Руси, были уничтожены вме-

сте с подземной инфраструктурой. Авиабазы стратегической авиации на Аляске и в Калифорнии превратились в озера огня.

Но и ракеты Пиндосии и их союзников делали свое дело. Из-за «слепого окна», созданного кибератакой, часть русских шахт действительно была уничтожена на взлете. Гиперзвуковые «Стрижи» поразили несколько ключевых командных пунктов в центральной части Руси, включая запасной центр под Воронежем. Боеголовки с подлодок Приморской республики, хоть и запущенные с некоторой задержкой и меньшим энтузиазмом, легли на военные объекты под Санкт-Петербургом и в Калининградской области.

Связь в мире начала рваться, как гнилая ткань. Спутники, пораженные электромагнитными импульсами от высотных взрывов, выходили из строя. Волна ЕМР накрыла целые континенты, выводя из строя энергосети, электронику, системы управления. В городах, еще не затронутых прямыми ударами, погас свет. Наступила тьма, предвестница жуткой тьмы.

Глава 7

ГЛАВА 7. Первые часы

В бункере «Ворон-2» тряслась земля. Сотрясения от близких мощных взрывов доносились даже сюда, на глубину в сотни метров. Погасла часть освещения, переключившись на аварийное. С нескольких экранов пропала картина. Связь с западными военными округами и с Генштабом в Москве прервалась.

Петр Петрович Иванов стоял, держась за спинку кресла. Рядом, обхватив голову руками, сидел генерал Семенов. Он что-то шептал, и Иванов через мгновение разобрал: «...ответили... мы ответили...»

«Да, – тихо сказал президент. – Мы ответили. И что теперь?»

Офицер связи, переживший первый шок, докладывал обрывками данных, которые еще удавалось получить по защищенным линиям и через низкоорбитальные спутники, еще не вышедшие из строя.

«...подтверждено поражение командного центра в Вашингтоне... массивные разрушения в районе базы МБР Малмстром... данные о пусках с территории КНДР... цели – базы Пиндосии в Японии и... вероятно, территория метрополии... связь с нашим посольством в Пхеньяне потеряна...»

«Корейцы? – удивленно поднял голову Семенов. – Они... они вступили? Сами?»

«Похоже, что да, – кивнул офицер. – Это меняет всю картину. Пиндосия теперь получила удар и с востока.»

Иванов закрыл глаза. Его расчет, его страшный расчет на то, что удар должен быть тотальным, чтобы у противника не осталось ни воли, ни средств для ответа, оказался верен. Но он не учел третью сторону, которая увидела в этой бойне гигантов свой шанс. Цивилизационная война перерастала в глобальный хаос.

«Связь с Китаем?» – спросил он.

«Есть по спецканалу. Они передают: «Приняли к сведению. Держитесь на расстоянии. Наши силы приведены в состояние высшей боевой готовности. Любое приближение к нашей границе или падение боеголовки на нашу территорию будет расценено как акт агрессии и повлечет немедленный ответ.»»

«Они заняли позицию вооруженного нейтралитета, – прошептал Семенов. – Умно.»

Внезапно один из оставшихся в работе экранов показал кадры с внешней камеры, которая, видимо, уцелела где-то на Урале. Кадры были зернистыми, прерывистыми. Но на них было видно небо. Не обычное, предрассветное. А небо цвета расплавленного металла, багровое, с клубящимися черными и оранжевыми облаками. И на этом фоне – несколько ярких, быстро движущихся точек, оставляющих дымные следы. Од-

ни уходили вверх, в космос, другие – пикировали вниз. Это были ракеты. Их было видно с расстояния в сотни километров.

«Боже правый... – кто-то в зале выдохнул. – Это... это над всей планетой.»

Иванов понял. Это было только начало. Первый залп. За ним последуют, возможно, второй, третий, по уцелевшим целям. А затем начнется самое страшное – долгая, холодная смерть от последствий. От пожаров, от радиации, от разрушения инфраструктуры, от голода. От ядерной зимы, которая неминуемо наступит, когда тысячи мегатонн сажи и пепла поднимутся в стратосферу и закроют солнце на годы.

Он посмотрел на планшет, который все еще держал в руке. Экран был темным. Система «Гром» выполнила свою задачу. Теперь судьба мира была в руках тех, кто выжил на поверхности. Если кто-то выжил.

«Генерал Семенов, – сказал Иванов, и в его голосе прозвучала беспредельная усталость. – Отдайте приказ по всем уцелевшим каналам. Военным округам, отрядам гражданской обороны. Переходить на автономное существование. Оказывать помощь населению. Сохранять порядок. Бороться за выживание. Это... наш последний приказ.»

Семенов, старый солдат, выпрямился и отдал честь. «Есть. Бороться за выживание.»

Иванов отвернулся к темному экрану, на котором еще минуту назад светилась карта мира. Теперь это была карта

руин. Карта конца одной цивилизации и, возможно, начала долгой, мучительной борьбы за право другой – когда-нибудь, через столетия – возникнуть из пепла.

Где-то над планетой, в стратосфере, уже формировался гигантский гриб из пепла и дыма, который скоро объединит все отдельные грибы от тысяч взрывов в один сплошной смертельный покров. Рассвета в этом мире больше не будет. Начиналась долгая ядерная ночь.

Глава 8

ХРОНИКИ НЕСБЫВШЕГОСЯ ЗАВТРА

Том II. Плач Земли

ГЛАВА 8. РУСЬ: ПЕПЕЛ И ПРИЗРАКИ

На поверхности, в сотнях километрах от глубин «Ворона-2», мир перестал существовать. Не в переносном, а в прямом, физическом смысле.

8.1. Стольград. Нулевой час + 45 минут.

Артем, молодой инженер-электронщик, работавший в НИИ оборонного профиля, очнулся в крошечной тьме. Последнее, что он помнил – ослепительную вспышку в окне, такую яркую, что на мгновение стало видно кости собственной руки, а затем – удар, сбросивший его с кровати и обрушивший часть потолка. Он лежал под грудой обломков гипсокартона и битого кирпича, чувствуя вкус пыли и крови на губах. Тишина была абсолютной, давящей. Ни сирен, ни криков, ни гула машин. Тишина глубины.

Он выбрался, царапая руки об арматуру, и увидел, что находится в подвале собственного дома. Вернее, в том, что от него осталось. Лестница вверх была завалена. С трудом, проклиная каждый камень, он разобрал завал и выбрался на «улицу».

Слово «улица» не подходило. Это была иная планета. Воздух был густым, горячим и пах гарью, расплавленным пла-

стиком и чем-то сладковато-приторным, от чего першило в горле. Небо... неба не было. Над головой висела сплошная пелена цвета грязного расплавленного свинца, подсвеченная снизу багровым, пульсирующим заревом. Снег, шедший утром, превратился в черную, липкую жижу, падающую хлопьями сажки. Температура стремительно падала, но от пожаров ещё стояла удушающая жара.

Артем стоял посреди ландшафта, который не поддавался описанию. Остовы небоскрёбов, ещё час назад бывших символами столицы, чернели, как сгоревшие спички. Некоторые были переломаны пополам. Другие, сделанные из стекла и стали, просто расплавились, превратившись в сюрреалистические стеклянные реки, застывшие на склонах руин. Дорог не было. Была груда щебня, среди которой торчали покорёженные каркасы машин, оплавленные до неузнаваемости. В некоторых из них виднелись силуэты, навсегда ставшие частью металла.

Он пошёл, не зная куда. Инстинкт вел его к реке, к воде. То, что он увидел на набережной, заставило его остановиться и вырвать пустым спазмом. Река была забита. Не льдинами. Трусами. Тысячами, десятками тысяч тел. Они плыли в чёрной воде, цеплялись друг за друга, образуя плавучие острова смерти. Некоторые были обгоревшими до углей. Другие выглядели почти нетронутыми, но их лица были искажены немим криком. Вода у берега была розовой.

Из-под обломков слышался стон. Артем бросился на

звук и откопал старика, соседа по подъезду. У того была страшная рана на голове.

– Воды... – прошептал старик.

Воды не было. Все трубы были разрушены. Артем сорвал с себя грязную футболку, попытался собрать с неё чёрные хлопья «снега», но они не таяли, только мазались сажей. Старик умер у него на руках через несколько минут, уставившись в багровое небо выцветшими глазами.

Артем поднял голову и увидел Других. Они вылезали из щелей, как насекомые после потопа. Люди с пустыми, шоковыми лицами, в разорванной, обгоревшей одежде. Они не говорили. Они просто стояли и смотрели на ад, в котором оказались. Кто-то тихо плакал. Кто-то смеялся, высоким, истеричным смехом, не останавливаясь. Одна женщина, в разорванном вечернем платье, украшенном теперь копотью и кровью, медленно кружилась на месте, напевая колыбельную.

Начался дождь. Тяжёлые, чёрные капли, пахнущие кислотой и радиацией. Они оставляли мелкие ожоги на коже. Люди, не обращая внимания, подставляли лица, как будто надеясь, что этот дождь смоет весь кошмар.

8.2. Глубокий тыл. Город-миллионник на Урале. Нулевой час + 6 часов.

Сюда не упала ни одна боеголовка. Сюда пришла тьма. И холод.

Мария, учительница истории, смотрела в окно своей квар-

тиры на 14-м этаже. В четыре часа дня было темно, как в самой глубокой ночи. Город, обычно сиявший огнями, погрузился во мрак, нарушаемый лишь редкими зарницами далёких пожаров где-то за горизонтом и фарами немногих машин, которые ещё могли ехать. Потом погасли и фары. Полная тьма.

Электричество исчезло в первые же минуты после далёких, но ощутимых толчков. Пропала вода. Отключилась сотовая связь и интернет. Мир сузился до размеров квартиры.

У Марии был радио-приёмник на батарейках, старый, ещё советский «ВЭФ». Она включила его. Эфир гудел и шипел. Но на некоторых частотах ловились голоса.

— ...Говорит штаб гражданской обороны... всем укрыться в подвалах... не выходить... атмосферные осадки крайне опасны... ожидайте...

— ...люди, мы на старой частоте «Моряка»... если кто слышит... мы в бункере под заводом... радиоактивное заражение... уровень за борот...

— ...мама, если ты слышишь, мы живы... мы в деревне у бабушки... папу забрали в часть... мама, отзовись...

Голоса прерывались, тонули в шуме. Официальных сообщений не было. Только обрывки чужой боли и страха.

На улице началась паника. Сначала это были крики, потом выстрелы. Мария видела в бинокль, как грабят аптеку на первом этаже её же дома. Люди дрались за упаковки с таблетками, не зная, от чего те. Потом начали громить магазин.

Кто-то вынес не продукты, а ящик с дорогим виски. Другой нёс плазменный телевизор, бессмысленный теперь кусок стекла и пластика.

Температура в квартире упала до +5. Мария надела всё, что могла. Она знала, что это только начало. По её расчётам, если солнца не будет неделями, температура упадёт до -20, -30 даже здесь, в умеренной зоне. И это без учёта радиоактивных осадков.

Она спустилась в подвал, где уже собрались другие жильцы. Там было сыро, холодно, но хотя бы не было этого пронизывающего ветра с пеплом. Люди сидели на коробках, закутанные в одеяла. Обсуждали слухи: говорят, Пиндосии больше нет. Говорят, Приморье стёрто с лица земли. Говорят, китайцы идут войной. Говорят, правительство бежало.

Мария, историк, смотрела на этих людей и видела в них будущих варваров. Через неделю, когда закончатся консервы и вода, начнётся настоящая борьба. Дружба соседей рассыплется. Появятся вожди и рабы. Начнётся охота на кошек и собак. А потом... она закрыла глаза, не желая додумывать.

Её сын-подросток, Дима, спросил тихо: «Мама, а что будет с нами?»

«Мы будем жить, сынок, – ответила она, обнимая его. – Пока дышим – живём. А история... она сейчас пишется заново. Самыми тёмными чернилами.»

8.3. Запасной командный пункт «Утес». Глубина 150 м. Нулевой час + 12 часов.

Генерал-майор Виктор Крутов, один из немногих высокопоставленных офицеров, уцелевших вне «Ворона», пытался наладить хоть какое-то управление. Связь была отрывочной. Данные приходили с опозданием на часы.

На экране потухла последняя зелёная лампочка, обозначавшая штаб Западного военного округа. Теперь вся европейская часть Руси, от границ до Урала, была покрыта красным – зоной катастрофических разрушений, высокого радиационного заражения или полного прекращения связи.

Докладывали, что есть:

– Взорваны или повреждены 4 из 10 атомных электростанций в зоне ударов. Радиоактивные выбросы. Ветер разносит их на восток.

– Полностью парализована железнодорожная сеть западнее Волги.

– Крупные города-миллионники: население погибло на 60-90%. В оставшихся – паника, мародёрство, вспышки холеры и дизентерии из-за разложения тел и отсутствия воды.

– Армия... армия рассыпалась. Части, не затронутые прямыми ударами, дезертируют, солдаты бегут спасать семьи. Техника брошена из-за отсутствия топлива и ЕМР-повреждений электроники.

– Поступают сообщения о «зелёных человечках» – бандах мародёров в камуфляже, с оружием, выдающих себя за военных и захватывающих склады, убежища.

Крутов откинулся в кресле. Перед ним лежала карта и

указка. Но указывать было уже не на что и некому. Государство Русь, как единый организм, перестало существовать. Остались разрозненные очаги – этот бункер, пара таких же на Урале и в Сибири, возможно, несколько воинских частей в глухой тайге. И между ними – море хаоса, миллионы отчаявшихся людей, превращающихся в зверей, и надвигающаяся ядерная зима.

Он приказал передать в эфир на постоянно повторяющейся частоте: «Всем выжившим командирам, офицерам, чиновникам. Держитесь. Организуйте локальные зоны выживания вокруг складов Госрезерва, военных городков, убежищ. Сохраняйте законность силой. Не ждите приказов сверху. Их не будет. Вы – последняя власть на своей земле. Бог нам судья.»

Это был не приказ. Это было признание конца. Конец страны. Начало тёмных веков.

Глава 9

ГЛАВА 9. ПИНДОСИЯ: КРАХ МЕЧТЫ

Если в Руси был хотя бы призрак порядка в виде глубоких бункеров, то в Пиндосии, чья оборона была построена на концепции высокотехнологичного сдерживания и превосходства в открытом океане, крах был тотальным и мгновенным.

9.1. Где-то в Айове. Нулевой час + 30 минут.

Сара, фермерша из третьего поколения, увидела на востоке, со стороны Чикаго, неестественно яркую зарницу. Через несколько минут пришла ударная волна. Она не была разрушительной на таком расстоянии, но выбила стёкла в доме и повалила старый сарай. Затем по радио, которое работало от генератора, диктор начал что-то панически кричать о нападении, и тут же эфир заполнился рёвом помех, а потом – мёртвой тишиной.

Сара вышла на крыльцо. Её мир – бескрайние кукурузные поля, красный сарай, синее небо – исчез. Небо стало жёлто-коричневым. С востока, откуда всегда приходили хорошие вести и товары, надвигалась стена чёрных, зловещих облаков. Ветер, тёплый и влажный, сменился ледяным, колющим сквознем, несшим с собой пепел. Он оседал на листьях кукурузы, на крыше, на её фартуке. Пепел был серым, белым, а иногда – с розоватым оттенком.

Её муж, Джек, попытался позвонить сыну в Нью-Йорк. Телефон молчал. Спутниковое ТВ показывало «синий экран». Интернет пропал.

К вечеру пришли первые беженцы. Это были не толпы, а жалкие, оборванные люди на разбитых машинах, на телегах, запряжённых лошадьми, а то и пешком. Они шли с востока, и в их глазах был такой ужас, что Сара, женщина крепкая и практичная, почувствовала ледяной холод в животе.

Один человек, в костюме, теперь разорванном и грязном, остановился у их забора. Его лицо и руки были покрыты страшными волдырями – радиационные ожоги.

– Воды, – хрипел он. – Ради всего святого.

Они дали ему воды. Он выпил залпом и рухнул на землю, больше не двигаясь. Он был мёртв.

От беженцев они узнали обрывки правды, более страшной, чем любая ложь. «Вашингтон... его просто нет. Огненный шар... потом волна... мы ехали по шоссе 95, а потом увидели... там, где был город, просто пустота и огонь.» «Нью-Йорк... мосты рухнули. Всё горит. Люди прыгали в реку, но река... кипела.» «По шоссе ехать нельзя. Машины брошены. Мертвецы... их везде. И мародёры. С оружием. Стреляют просто так.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.